

Семенова Н. В. «Кто светел, тот и свят»: ситуация светообозначения в акафистах русским святым / Н. В. Семенова, Ж. Ю. Полежаева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 140—157. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-140-157.

Semenova, N. V., Polezhaeva, Zh. Yu. (2022). “Who is Bright is Holy”: Situation of Light Designation in Akathists to Russian Saints. *Nauchnyi dialog*, 11(6): 140-157. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-140-157. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-140-157

«Кто светел, тот и свят»: ситуация светообозначения в акафистах русским святым

Семенова Наталья Владимировна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-3811-1764

доктор филологических наук, доцент,
кафедра языковой подготовки;

Высшая школа

лингводидактики и перевода

nvsemenova@mail.ru

Полежаева Жанна Юрьевна³

orcid.org/0000-0002-8158-6992

кандидат филологических наук, доцент,
отдел по работе

с иностранными студентами

zhpolezhaeva@mail.ru

¹ Санкт-Петербургский государственный
университет гражданской авиации
(Санкт-Петербург, Россия)

² Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра
Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

³ Кемеровский государственный
медицинский университет
(Кемерово, Россия)

“Who is Bright is Holy”: Situation of Light Designation in Akathists to Russian Saints

Natalia V. Semenova^{1,2}

orcid.org/0000-0002-3811-1764

Doctor of Philology, Associate Professor,

Department of Language Training;

Higher School of Linguodidactics
and Translation

nvsemenova@mail.ru

Zhanna Yu. Polezhaeva³

orcid.org/0000-0002-8158-6992

PhD in Philology, Associate Professor,

Department for Work

with Foreign Students

zhpolezhaeva@mail.ru

¹ Saint-Petersburg State University
of Civil Aviation
(St. Petersburg, Russia)

² Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

³ Kemerovo State
Medical University
(Kemerovo, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование ситуации светообозначения в акафистах русским святым. Актуальность изучения феномена света на данном материале обусловлена, во-первых, важнейшей текстообразующей ролью светообозначений в этом гимнографическом жанре, а во-вторых, необходимостью углубленного изучения роли глагола в организации славянского предложения. Объектом анализа стала ситуация светообозначения, а предметом — участники этой ситуации. В фокусе исследовательского внимания находятся релевантные валентностные (семантические и синтаксические) характеристики глагола как структурного центра предложения. В результате проведенного исследования выявлен языковой корпус светообозначений (3157 единиц), охарактеризована их частеречная принадлежность, продемонстрировано хронологическое распределение и установлены доминирующие корнеобразующие элементы (*свет-, сия-, зар-, блист-, свец-*). Уделено внимание грамматическим механизмам, обеспечивающим светообозначение, а также непосредственным участникам номинируемой ситуации. Акцент поставлен на основном участнике — свете. Описание реестра возможных семантических ролей участников ситуации светообозначения (Субъект, Объект и их подтипы) ориентировано на традиционное в православной метафизике света разделение: «свет нетварный», «свет умный» и «свет чувственный».

Ключевые слова:

акафист; русские святые; светообозначение; глагол; семантическая роль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a study of the situation of light designation in akathists to Russian saints is presented in the article. The relevance of studying the phenomenon of light on this material is due, firstly, to the most important text-forming role of light designs in this hymnographic genre, and secondly, to the need for an in-depth study of the role of the verb in the organization of the Slavic sentence. The situation of light designation became the direct object of analysis, and the participants in this situation became the subject. The focus of research attention is on the relevant valence (semantic and syntactic) characteristics of the verb as the structural center of the sentence. The main research methods were: functional-semantic, contextual analysis of lexical units, statistical. As a result of the study, a linguistic corpus of light designations (3,157 units) was identified, their part-of-speech affiliation was characterized, a chronological distribution was demonstrated, and the dominant root-forming elements (*svet-, siya-, zar-, blist-, svesh-*) were established. Particular attention is paid to the grammatical mechanisms that provide light designation, as well as to its direct participants. The emphasis is on the main participant — the light. The description of the register of possible semantic roles of participants in the situation of light designation (Subject, Object and their subtypes) is focused on the division traditional in the Orthodox metaphysics of light: “uncreated light”, “smart light” and “sensual light”.

Key words:

akathist; Russian saints; light designation; verb; semantic role.

УДК 81'367.7

«Кто светел, тот и свят»: ситуация светообозначения в акафистах русским святым

© Семенова Н. В., Полежаева Ж. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

Говоря о ситуации светообозначения (далее — СО), мы имеем в виду модель ситуации динамического мира, которая отражает связь между отдельными субстанциями и изменение этих связей в пространстве и времени. Семантическим эквивалентом этой модели является пропозиция, в центре которой находится предикат, и прежде всего это глагольный предикат, который обозначает различные нюансы проявления света.

Главенствующее положение глагола в организации русского, и шире — славянского, предложения всегда привлекало всех, кого интересует славянская грамматика, и этот интерес существенно возрастает, если мы обращаемся к анализу конкретной тематической группы глаголов на историко-культурном материале.

Настоящая статья — одна из попыток изучения роли глагола в ситуации СО на материале акафистов русским святым, материале, который, являясь уникальной иллюстрацией духовных ориентиров русского православия, отличается особой «предрасположенностью» к языковой светописи. «Тема света характеризуется как одна из макротем церковнославянских акафистов, — отмечает А. А. Камалова. — Световой символизм — сущностное раскрытие Света Христова, пронизывает все части богослужения» [Камалова, 2013, с. 145]. Можно сказать, что в акафистах православно-христианское учение о свете, относящееся к числу мистико-богословских, получает наиболее зримую поэтическую форму. Возможно, акафисты святым именно потому становятся такими «светоносными», что для того, «чтобы видеть простой и безвидный свет Божий, нужно самому стать светом» [Кривошеин, 1980, с. 203]. Свет и святость в поэтике акафиста соединяются удивительным образом, и это неоднократно отмечалось в научной литературе [Ицкович, 2016; Людоговский, 2015; Рядовых, 2021]. Новизна нашего исследования состоит в том, что в нем впервые рассматривается эта светопись в ракурсе семантического синтаксиса и применяются исключительно грамматические инструменты анализа для характеристики феномена света в одном из самых популярных у русского народа жанре гимнографии.

Цель статьи — описание ситуации СО в акафистах русским святым. Для этого необходимо выявить грамматические механизмы, которые

«обеспечивают» СО; охарактеризовать непосредственных его участников с указанием реестра возможных семантических ролей, акцентируя внимание на основном участнике — СВЕТЕ.

В центре исследовательского внимания находятся релевантные валентностные (семантические и синтаксические) характеристики глагола как структурного центра предложения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как известно, основное назначение глагола — репрезентация ситуации. Еще А. М. Пешковский как-то тонко подметил, что «главное достоинство глагола — это способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов и предложений, словом, создавать то, что Потебня называл синтаксической перспективой» [Пешковский, 2018, с. 287]. В терминах современного семантического синтаксиса данное утверждение проецируется на актантную структуру предложения, подразумевающую как синтаксические, так и семантические актанты. Между этими типами актантов, как правило, не выявляется постоянного прямого соответствия за исключением прототипических случаев. Т. В. Шмелева по этому поводу замечает, что «следует различать актант как элемент плана содержания или роль в ситуации и актант как позицию в структуре предложения, предназначенную для определенных ролей» [Шмелева, 1994, с. 39]. Доказательством сказанного служат такие явления, как мена диатезы, расщепление, смешение семантического актанта, их слияние или синтаксическая невыразимость и т. д. [Апресян, 2006]. Добавим, что акцент на значении самого глагольного слова, или, точнее — глагольного предиката, фокусирует внимание на *участниках* ситуации. Г. И. Кустова довольно категорично выражает эту мысль, подчеркивая, что семантика предиката вообще, а глагольного особенно, в принципе, «если не брать смыслы типа модальных рамок (оценки и реакции говорящего) и т. п. компонентов, относимых к прагматике <...> не содержит ничего, кроме информации об участниках ситуации» [Кустова, 2000, с. 20].

Суммируя сказанное, подчеркнем, что глагол, выступающий как «самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка» [Виноградов, 1972, с. 349], способен, во-первых, давать исчерпывающую информацию о *ситуации*, а во-вторых — сигнализировать об определенном наборе *участников* и их отношениях друг к другу, то есть об их *ролях* в этой ситуации.

Если воспользоваться терминологией А. А. Потебни и А. М. Пешковского, то вполне справедливо можно утверждать, что синтаксическая и семантическая перспективы русского предложения находят свое языко-

вое (формальное) воплощение в различных конфигурациях его актантной структуры. Рассматриваемые нами на материале акафистов ситуации СО свидетельствуют о самых разных таких конфигурациях, но все это многообразие имеет один общий знаменатель: обязательного участника СВЕТ. Этот участник относится к разряду тех, «присутствие которых в ситуации однозначно предсказывается смыслом глагола» [Падучева, 1997, с. 20]. Однако СВЕТ может выступать в ситуации СО и как ее атрибут, то есть указывать на «ее причину, время, место, инструмент, способ действия, скорость (для изменений) и др. параметры или обстоятельства» [Там же, с. 20]. Таким образом, СВЕТ в ситуации СО может занимать разную по значимости позицию в ситуации СО. Классическая грамматика рассматривает это противопоставление в терминах «обязательный участник : необязательный (атрибут)» и трактует как различие между дополнениями и обстоятельствами, а Л. Теньер — как различие между актантами и сирконстантами.

Е. В. Падучева подчеркивала, что семантическую роль того или иного участника ситуации следует отличать от его коммуникативного ранга: «Семантическая роль определяется поведением участника в обозначаемой глаголом ситуации: роль — это, например, Агенса, Инструмент, Адресат, Место. А ранг — это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева, 2004, с. 58]. Данное обстоятельство существенно в том плане, что, как отмечает Е. В. Падучева, «диатеза глагола определенным образом ранжирует участников, иногда “вопреки” их роли» [Там же, с. 60]. Особенно актуальным это замечание становится для ситуаций с синтаксически невыразимыми при глаголе участниками: так, если Субъект и Объект находятся в фокусе внимания, а остальные участники — на периферии, то синтаксически невыразимые участники вообще выходят за эту периферию, остаются как бы «за кадром».

Итак, участник СВЕТ, занимая самые разнообразные морфо-синтаксические позиции, так или иначе, но всегда присутствует в ситуации СО. Причем для глагольных СО самый обычный случай такого присутствия — синтаксическая невыразимость, или *инкорпорация* в морфологическую или семантическую структуру глагольного слова, ср., например, в глаголах *светить*, *засветить(-ся)* и др. При стандартной ситуации глагольного СО, которая, в принципе, не требует эксплицитно выраженного участника СВЕТ, встречаются, однако, примеры его *экскорпорации*. В этом случае, мы полагаем, речь идет о прямом или подобном «тавтологическом выражении» инкорпорированных актантов глагола, а фактически — об экспрессивном дублировании; описание данного феномена см. в [Ляшевская, 2016].

Кстати, «тавтологичные выражения» довольно частотны в истории русского языка: многочисленные фольклорные, преимущественно — поэтиче-

ские, жанры дают нам примеры подобного «дублирования», свидетельствующего об экспрессивности и интенсивности обозначаемого действия, ср.: *криком кричат, ровней ровняются, грустью груститься, воем вытяться* и др. Описывая их в рамках изучения синонимии в языке русской народной поэзии, А. П. Евгеньева отметила: «Несомненно, в древней русской литературе синонимика используется как художественное средство различно в разные исторические эпохи и не ограничивается только одной функцией — усиления, акцентуации значения» [Евгеньева, 1949, с. 211]. По мнению автора, очень часто в таких случаях целесообразно говорить об оттенках значений «синонимов», которые и несут основную смысловую нагрузку.

Мы же, со своей стороны, отметим, что тавтологичные выражения такого типа используются и для ситуации СО, причем в церковнославянских текстах они довольно частотны. Собственно, ярко это демонстрируют Евангельские строки: *И свет во тме светится* (Ин., 1:5); *да светит свет ваш пред людьми* (Лк., 5:13—16). Дублирование смыслов мы видим и в «плеонастичных» выражениях, то есть там, где наблюдается стечение лексики одной ЛСГ, как, например, в Тропаре Рождеству Христову: *Воссия миру свет разума*. Смеем, предположить, однако, что подобные СО в церковнославянских текстах не всегда однозначно выражают экспрессию и интенсивность, а несут несколько иную семантическую нагрузку.

Повтор, стечение СО в акафистах русским святым — явление распространенное, однако исследователи выделяют особые части акафистов, где избытие СО максимально. Это — Кондаки 2, 5; Икосы — 5, 6 и 11. Впрочем, как отмечает Ф. Б. Людоговский, «средства выражения рассматриваемой тематики, завися от конкретной строфы, вместе с тем обнаруживают несомненные признаки межстрофического взаимодействия и взаимопроникновения (как внутри обозначенных выше групп строф, так и между ними), что позволяет (пусть и с осторожностью) говорить об особых, свойственных именно акафистам, устойчивых выражениях, лишенных жесткой структурной привязки» [Людоговский, 2009].

Вообще, говоря об акафисте, «укоренившемся» на русской почве, следует иметь в виду его явную «предрасположенность» к беллетризации, особом типе «художественного мышления», которое не раз становилось предметом внимания филологов. Поэтике «русского» акафиста, полагает А. А. Чуркин, свойственна «некая внутренняя интенция литературности» [Чуркин, 2007], хотя, конечно, традиционная церковная литература тяготеет к шаблонности и канону. Этот шаблон во многом продиктован общей тенденцией средневековой культуры к этикетности [Лихачев, 1979, с. 80—81]. И тем не менее, своеобразное балансирование на грани религиозной и нарождающейся в средние века светской литературы приводит

к возникновению совершенно особых текстов, каковым и является акафист на русской почве, особого жанра, отличающегося яркими стилистическими особенностями.

Основной текстовый материал нашего исследования составили 138 акафистов русским святым, содержащиеся в [АРС, т. I—III, с. 199—1996]. Целесообразность использования именно этого издания в качестве источника фактического материала объясняется полнотой и достоверностью собранного материала. На данный момент оно является единственным отдельным собранием акафистов, посвященных «Всем святым, в земле Российской просиявшим». Безусловно, в XXI веке в богослужебную практику Русской Православной Церкви вошли новые акафисты, однако точное их количество, как и церковный статус (утвержден / не утвержден для общецерковного использования), остается до конца не ясным. Реестр их постоянно пополняется, и те тексты, которые получают официальное одобрение, регулярно публикуются на странице издательства Московской Патриархии [НБГ]. Тем не менее в настоящее время новое издание всех акафистов русским святым с учетом новоутвержденных отсутствует.

Мы также включали в анализируемый материал молитвы, следующие непосредственно за текстом акафиста, и исключали тропари. Такой выбор материала, во-первых, соотносится с церковной православной традицией чтения акафистов: тропари, как правило, включаются только при соединении чтения акафиста и канона, что обычно для общей церковной службы в храме. Но православная практика чтения акафистов — келейная. Во-вторых, общепризнанной традицией изучения акафистов является учет как поэтических, так и прозаических его частей. Текст молитв относится как раз к прозаической части.

При исследовании языкового материала применялись следующие лингвистические методы: функционально-семантический, а также контекстуальный анализ лексических единиц. Использование этих методов сопровождается статистическими сопоставлениями. Церковнославянские примеры приводятся в гражданской графике.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Частеречная принадлежность светообозначений

В 138 акафистах русским святым выявлено 3157 светообозначений. По частеречному распределению наибольшее количество составили имена существительные, наименьшее — наречия. Полная статистика представлена в (табл. 1).

Как свидетельствует наш материал, свет обозначается в акафистах практически всеми частями речи. Традиционно преобладают имена суще-

Таблица 1

Сводная таблица частеречного распределения светообозначений

Имена существительные	Имена прилагательные	Глаголы	Причастия активные	Причастия пассивные	Наречия
1578	540	387	495	103	54
Всего: 3157					

ствительные, номинирующие сам свет, его источники и локусы, а также глагольные СО, демонстрирующие динамические проявления света. Глагол представлен всеми временными формами, а также инфинитивными и императивными. Какого-либо явного предпочтения в этом плане нет.

Обращает на себя внимание сравнительно незначительное количество пассивных причастий. Это указывает на тенденцию к «светописанию» в терминах активной энергии: так, активные причастия типа *возблеставший, возсиявший* свидетельствуют о «действенной» энергии света как самостоятельной силе; пассивные же причастия типа *облистаемый* и *осиянный* указывают на отражаемый или отраженный свет.

Достаточно большое количество прилагательных, тем не менее, о слишком большом разнообразии лексики не свидетельствует: традиционно самым распространенным прилагательным является *светлый*. Но следует отметить оригинальные сложные прилагательные, такие, как *небосветлый, Богосветлый, лучезарный, златозарный, Богозарный, благосиятельный, светосиянный, Трисиянный, светодательный, светоприимный, светолучный* и др.

Самое распространенное наречие в акафистах — *светло* (и его формы: *светле, светлейше, пресветло*). Из других, практически единичных вариантов, встретились такие, как *немерцаемо, непомеркаемо, светоносно, лучезарнее, светоподательные*.

3.2. Хронологическое распределение светообозначений

При характеристике языкового материала по этому параметру учитывались годы жизни святого, которому посвящен акафист. При этом речь не идет о дате прославления святого и, тем более, о времени создания акафиста и / или его введения в официальную богослужебную практику. Во-первых, официальное прославление в Лике святых часто требовало значительного времени, во-вторых, создание акафиста растягивалось иногда на век-два или более, а, в-третьих, процесс его официального признания Русской Православной Церковью мог быть еще более долгим. Поэтому наша классификация отличается некоторой условностью: святые,

прославляемые, например, в «соборных» акафистах («Акафист собору святых преподобных Псково-Печерских», «Акафист собору святых преподобных Оптинских старцев»), жили в разные века, и, соответственно, составленный «соборный» акафист условно может причисляться к разным периодам (но расхождение это — не более века). Количественные данные отражены в (табл. 2).

Таблица 2

Сводная таблица хронологического распределения светообозначений

Век	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX
Количество акафистов	4	8	7	11	21	34	27	16	5	11	12
Количество светообозначений	122	230	171	261	387	619	576	347	155	82	207

Кратко упомянем в связи с этим периоды русской акафистологии. В досинодальный период на Руси имели хождение всего 17 акафистов, причем только 4 из них были оригинальными (непереводными) и только 2 посвящались русским святым: акафист святителям Петру, Алексею и Ионе Московским, автор которого неизвестен, и акафист преподобному Сергию Радонежскому, приписываемый Пахомию Лагофету [Давыдов, 2003, с. 220; Попов, 2013, с. 33—74]. Затем активность гимнографического словотворчества возрастает: в синодальный период истории РПЦ, то есть с 1700 года до конца XIX века, в богослужебную практику вошли около 150 акафистов (у А. В. Попова их описано 136, но в общей сложности упоминается около полутора сотен; количество — 157/8 приводит Давыдов [Давыдов, 2003, с. 44]). За прошедшее столетие, считают Ф. Б. Людоговский и свящ. Максим Плякин, к этой цифре едва ли прибавилось 6—7 десятков новых, а новый всплеск акафистологии творчества наблюдается с «нулевых» годов современного века. В настоящее время трудно назвать точное количество акафистов, посвященных именно русским святым, но, по мнению Ф. Б. Людоговского, их более 600. Естественно, что этот фонд продолжает постоянно пополняться [Людоговский и др., 2013, с. 613].

Само прославление русских святых происходило также неравномерно: если до XX века Русской Православной Церковью к Лику святых было причислено 379 человек, то только на Соборе 2000 года прославления удостоились 1012 [Емельянов, 2005, с. 32].

3.3. Корнеобразующие элементы светообозначений

Как показывает наш анализ, подавляющее большинство СО образуются от 5 корней: *свет-*, *сия-*, *зар-*, *блист-*, *свещ-*. Подобные

СО составляют около 87 % от общего количества СО в исследуемых акафистах (табл. 3).

Таблица 3

Сводная таблица корней светообозначений

Свет-	Сия-	Зар-	Блист-	Свещ-
1560	549	343	69	215 (367)
Всего: 2736				

Абсолютное преобладание лексем с этими корнями демонстрирует интересную тенденцию в плане глагольного словоупотребления. Глагольные предикаты с такими корнеобразующими элементами относятся только к стательному или эволютивному способам глагольного действия, что является совершенно естественным: актуализируемый свет постоянен, не переменчив и не исчезаем.

Отдельного объяснения требуют СО с корнем *свещ-*. Как показано в таблице 3, в акафистах встретилось 367 языковых единиц с корнем *свещ-*, но только 215 из них с полным основанием можно отнести к СО, что обычно подчеркивается контекстом. Слова с корнем *свещ-* часто обозначают деятельность или ее следствие как результат духовно-ментального воздействия. Например, в акафисте святому равноапостольному великому князю Владимиру, во св. Крещении Василию, встречается 10 лексем с корнем *свещ-*, но только 5 из них являются абсолютными СО. Ср.: светообозначение: *Светозарное светило, просвещающее сиянием своим страну русскую* [АРС, т. I, с. 493]; духовно-ментальная сфера: *Радуйся, равноапостоле, ко просвещению народа русскаго Премудрым Промыслом предуготованный* [АРС, т. I, с. 486]. Второе, тяготеющее к ментальной сфере, значение лексем с корнем *свещ-* является безусловно вторичным, но оно, конечно, непосредственно связано с представлением о световой природе Христа как единственном источнике истинного — умного — света. Ср., например, в акафисте святому преподобному Сергию, игумену Радонежскому и всея России чудотворцу: *Чрез знамения убо добродетелей твоих, правды солнце мысленное Христос Господь, течение Свое творя, просвещает всех зовущих ти сице* [АРС, т. III, с. 353], а также в акафисте святителю Симону, епископу Владимирскому и Суждальскому, Печерскому чудотворцу: *Разум спасения вечнаго, данную ти свыше премудростию, просвещал еси всем приближающимся к тебе* [АРС, т. III, с. 414]. Практически в каждом акафисте можно встретить определение «богопросвещенный», а во многих — языковую формулу «разум богопросвещен».

К приведенным статистическим данным добавим, что 421 языковая единица, участвующая в ситуации светообозначения, образуется от других корней, а именно: *луч-, лун-, солн(ц)-, звезд-, огн-, молн-, столп-, бел-, мерк-/ мерц-, гор-, блест-, ден(н)-* и некоторых других. Например, в акафисте святому преподобному Адриану, игумену Ондрусовскому, Олонецкому чудотворцу: *с радостью бо устремился еси, отнюдуже яко свещи, во тме мерцающия, святаху и звоном церковным окрестная оглашающа* [АРС, т. I, с. 92]. Только дважды в нашем материале встретился корень *блест-*: в акафисте Святому праведному Артемию, Веркольскому чудотворцу и Святителю Иннокентию, епископу Иркутскому, чудотворцу. Оба раза — в хайретизмах: *радуйся, облеченный в блестящую порфиру за чистоту сердца и незлобие* [АРС, т. I, с. 272]; *Радуйся, блестящая заре избранного тобою града сего* [АРС, т. II, с. 262].

3.4. Семантические роли участника СВЕТ

Для понимания семантических ролей обязательного участника ситуации светообозначения в акафистах русским святым важно учитывать православное мистико-богословское толкование света, которое сложилось вокруг богословских споров о природе Фаворского света. Речь идет о различении «света чувственного», «света умного» и «света нетварного». Н. О. Лосский, объясняя это разделение, ссылается на «Агиографический томос» афонских монахов: «Иной свет, — говорят святогорские монахи, — свойственно воспринимать уму, и иной — чувству: чувственным светом обнаруживаются чувственные предметы именно как чувственные, а светом ума являет себя заключенное в мыслях знание. Таким образом, зрению и уму свойственно постигать не один и тот же свет, но каждая из этих двух способностей действует согласно со своей собственной природой и в своих пределах» [Лосский, 2012, с. 339]. Наш материал показывает, что «светопись» в акафистах последовательно отображает данное разделение.

Обозначим основные семантические роли участников ситуации СО.

1. Субъект (иерархически первый участник), который ввиду принадлежности глаголов-СО к бытийной сфере выступает, как правило, в виде Агенса-Эффектора (Агенса-Силы), а также Агенса-Каузатора и, при мене диатезы, Субъекта-Патиенса обычно в виде Эксперимента.

Как отмечалось выше, особенностью глаголов-СО является инкорпорация главного участника СВЕТ в содержательную структуру глагольного слова. Примером яркой морфологической инкорпорации является глагол *светить* и, соответственно, все его производные, то есть глаголы типа *засветить, просветить* и др. А образцом семантической инкорпорации является, например, глагол *сиять*. «У инкорпорированного участника, — замечает Е. В. Падучева, — концепт не переменный, как у других, а фик-

сирован с точностью до лексемы уже в словаре» [Падучева, 2004, с. 57]. Толкование глагола *сиять* подтверждает такое замечание: «нсв. 1. Излучать ровный яркий свет, ярко светиться» [БТСРЯ, 1998, с. 1190]. О. Н. Ляшевская приводит еще одно условие проявления инкорпорированного участника, которое действительно и для глаголов-СО: «При семантической инкорпорации соблюдается общее правило поверхностного выражения участника при глаголе: объем выражаемого понятия должен быть уже ограничения на заполнение валентности, т. е. уже значения лексемы, фиксированной в толковании» [Ляшевская, 2008, с. 199]. Как можно заметить, объем выражаемого глаголом *сиять* понятия уже того, который передается лексемой *свет* (свет может быть, например, и прерывистым, ср. значение глагола *мерцать*: «нсв. *Светиться неровным, колеблющимся светом*» и др.) [БТСРЯ, 1998, с. 535].

Тем не менее в ситуации СО наблюдается и эскорпорация участника СВЕТ, что при стечении лексики одной ЛСГ может рассматриваться как тавтологичные (например, «зарею озаряемы») или плеонастичные (например, «возсия свет») выражения. Наиболее интересны случаи эскорпорации этого участника именно в таком номинативном выражении — в виде лексемы *свет*. В текстах проанализированных нами акафистов данная лексема отмечена 420 раз.

В том случае, когда этот эскорпорированный участник заполняет соответствующую морфо-синтаксическую позицию (им. падеж), он выполняет роль «Субъект». Это становится возможным только в тех случаях, когда речь идет о нетварном свете, отождествляемом с Богом-Творцом (и его непосредственными атрибутами — милостью, благодатию; свет может в этом случае выступать своеобразным «партитивом» — «свет лица Божия»), Пресвятой Троицей и Христом Богом. Нетварный свет — это Сила, которая, приближается по своему качеству к Агенсу в том смысле, что выступает носителем энергии, но в отличие от «классического» Агенса неспособна пользоваться инструментами и материалами (подробнее об этом в [Падучева, 2004]). Ср., например, в акафисте святителю Василию, епископу Рязанскому, чудотворцу: *Возсия свет благодати и милости Божия, пришедшу тебе, прехвальне отче, в пределы земли Рязанския* [АРС, т. I, с. 464]; в акафисте святому преподобному Петру Царевичу, Ростовскому чудотворцу: *Видеши люди Ростовстии, яко возсия в сердце твоём свет Христа Бога* [АРС, т. III, с. 208]. На наш взгляд, эскорпорация участника СВЕТ при глаголе, дополнительно инкорпорирующем его в свою семантическую структуру, осуществляется именно для указания особого Субъекта.

Участник СВЕТ может выступать и в особой роли Агенса-Каузатора. Каузатор в данном случае понимается не как целеполагающий субъект

действия, а как гиперроль, объединяющая роли Агенса, Силы и Причины [Падучева, 1997, с. 23]. Ср., например, в акафисте Святому преподобному Димитрию, игумену Прилуцкому, Вологодскому чудотворцу: *и вкупе с тобою водворимся тамо, идеже присещает свет лица Божия и веселит вся от века праведники* [АПС, т. II, с. 41].

Во всех подобных случаях актуализируется особый тип логической пропозиции — характеристика, которая сближается с бытийной, где Агенса выступает как неактивный Субъект, или как Объект существования. По мнению Т. В. Шмелевой, такая пропозиция свидетельствует о приписывании предмету или факту некоторого признака [Шмелева, 1994, с. 18]. Контекст в акафисте обычно это подчеркивает дополнительной атрибуцией — обязательным наличием прилагательных. Причем номинативное выражение Субъекта в ситуации СО не ограничивается только лексемой *свет*. Образность акафистов велика: здесь мы встречаем особые названия звезд, светил (дневного и ночного), искусственных источников света (например, *свеща, светильник*) в качестве метафорических именовании Бога или самих святых: *Боготечная, Вифлеемская, утренняя, путеводная звезда* и др.; *солнце пресветлое, луна полная светом; светоприимная, светозарная свеща, светлыи светильник*. Свет также может приравняться к чудесам и добродетелям святого (в акафистах даже встречается своеобразная формула: «светом добрых дел / добродетелей твоих»). Во всех подобных случаях речь идет о проявлении света либо нетварного, либо умного, видимого только духовными очами.

При мене диатезы участник СВЕТ выполняет роль Субъекта-Пациенса. Обычно это Экспериент, которому «соответствует компонент 'X воспринимает (видит, слышит, ощущает) Y'» [Падучева, 2004, с. 55]. Например, в акафисте святому преподобному Нилу, Сорскому чудотворцу: *и тоя зарею привлекаеми, стекшеся, усердно твою память совершаем; тем твоими чудесы озаряеми, вопием ти* [АПС, т. III, с. 98].

2. Объект (иерархически второй участник). Этот участник ситуации СО всегда зависит от другого участника: Субъекта-Агенса-Эффектора или Субъекта-Агенса-Каузатора. Свет в этом случае обычно является перцептивом, то есть объектом восприятия [Шмелева, 1994, с. 41], а потому предполагает некоего Наблюдателя, который находится за кадром.

Проиллюстрируем эту роль примером из акафиста святому преподобному Нилу, Сорскому чудотворцу: *Светосиянную тя звезду, в пустыни просиявиую, видяще радуемся* [АПС, т. III, с. 98]. Попутно отметим, что роль Объекта часто конкретизируется в Инструмент, с помощью которого происходит освещение или просвещение. В данном случае речь может идти только об умном свете или о свете тварном, чувственном. Умный свет будет

виден духовными очами. Ср. в акафисте святому праведному Иоанну Кронштадтскому, чудотворцу: *Сице бо во тьме греховней обуреваемых и соблазном богоборчества колеблемых зарю Божественного разума просветил еси* [АПС, т. II, с. 320]. Тварный же свет будет виден только естественными очами, причем в этом случае участник СВЕТ проявляется не только как атрибут искусственных (рукотворных) источников света типа *свеща*, но и как Орудие. Ср. в акафисте святому преподобному Афанасию, игумену Высоцкому, Серпуховскому чудотворцу: *овогда убо кадяща гробы, овогда со свещами горящими обитель обходяща ты видеша* [АПС, т. I, с. 385].

Особого внимания заслуживает семантическая роль Объект-Локатив, которая указывает либо на конечную точку, либо на место. Обычно актант выполняет эту роль при глаголе движения. Однако именно в ситуации СО в акафистах мы имеем здесь дело с так называемыми «сдвоенными ролями», когда «одна валентность заполняется двумя семантическими актантами с разными семантическими ролями» [Апресян, 2017, с. 9]. Речь идет о сдвоенных семантических ролях Конечная точка — Цель. Например, в следующем отрывке из акафиста святому преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому, чудотворцу *Свет Невечерний* — это Конечная точка, или место: *Радуйся, яко очеси мысленными к свету навечернему устремлялся еси* [АПС, т. I, с. 393]. А в акафисте святому праведному Иоанну Кронштадтскому, чудотворцу он является уже Конечной точкой и Целью одновременно: *Во Христе живый, отче наш Иоанне, приведи нас к Невечернему Свету жизни вечныя* [АПС, т. II, с. 330].

4. Заключение = Conclusions

Итак, анализ ситуации светозначения в акафистах русским святым показывает, что здесь для обозначения света задействуется огромный реестр языковых единиц, актуализирующих весь свой потенциал грамматических свойств. Номинация света осуществляется практически всеми частями речи, но лексически она ограничивается небольшим количеством доминирующих корнеобразующих элементов (*свет-*, *сия-*, *зар-*, *блист-*, *свещ-*), которые, соединяясь и как бы «перемножаясь» (например, *свет-* + *зар-* — *светозарный*, *свет-* + *сия-* — *светосиянный*, *светосияющий* и др.), создают своеобразную языковую светопись. Этот прием используется для описания по-настоящему световых ликов мира, каковыми и являются русские святые, просвещающие мир светом Христового учения. Акафист — это по сути светоносная словесная икона, существующая и постоянно «поновляемая» новыми мастерами на русской земле на протяжении тысячелетия.

Сам свет в акафистах выступает в трех проекциях: нетварной, «умной» и чувственной. Каждая такая проекция становится зримой в акафисте даже на

уровне грамматики: об этом свидетельствуют семантические роли непосредственных участников ситуации СО. Обозначение света нетварного всегда находится в рамках разных подтипов роли Субъекта, причем этот участник инкорпорирован в морфологическую и / или семантическую структуру глагольного СО и дополнительно выступает в экскорпорированном виде. Свет «умный» не так последователен в экскорпорации в качестве обязательного участника, но обычен также в роли Субъекта. А минимальное количество случаев экскорпорации отмечается при обозначении света чувственного.

Один из самых распространенных типов пропозиции для ситуации светообозначения в акафистах русским святым — характеристика. Это логический тип пропозиции, сближающийся с бытийной, но он не тождественен ей хотя бы потому, что в актуализации ситуации СО участвуют глагольные предикаты не только стательного, но и эволютивного способов глагольного действия.

Спецификой именно «акафистного» светообозначения, на наш взгляд, являются sdвоенные семантические роли номинаций, как это происходит, например, в случаях с Объектом-Локативом, когда семантические актанты с разными ролями заполняют одну и ту же валентность глаголов движения. Этот вопрос, безусловно, требует особого исследования. Интересным кажется и расширение реестра самих ролей, предрасположенных к совмещению при обозначении феномена света, и изучение грамматических механизмов этого процесса. В любом случае, однако, тексты акафистов дают в распоряжение лингвистов уникальный языковой материал, который можно анализировать и в грамматическом, и лингвокультурном, и в семиотическом плане.

Источники и принятые сокращения

1. APC I — *Акафисты* русским святым. — Санкт-Петербург : Титул, 1995. — Том 1: А—Г. — 624 с. — ISBN 5-86396-004-3.
2. APC II — *Акафисты* русским святым. — Санкт-Петербург : Титул, 1995. — Том 2: Д—М. — 672 с. — ISBN 5-86396-004-3.
3. APC III — *Акафисты* русским святым. — Санкт-Петербург : Титул, 1996. — Том 3: Н—Ф. — 768 с. — ISBN 5-86396-004-3.

Литература

1. *Апресян В. Ю.* Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. — 2017. — № 2. — С. 7—32.
2. *Апресян Ю. Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов / Ю. Д. Апресян // Проблемы типологии и общей лингвистики : материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора А. А. Холодовича. — Санкт-Петербург : Нестор — История, 2006. — С. 15—27.

3. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / сост. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
4. *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Преподобный Симеон Новый Богослов (949—1022) / архиепископ Василий (Кривошеин). — Paris : Ymca Press, 1980. — 354 с.
5. *Виноградов В. В.* Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1972. — 616 с.
6. *Давыдов И. П.* Православный акафист русским святым : религиоведческий анализ : диссертация ... кандидата философских наук / И. П. Давыдов. — Москва, 2003. — 258 с.
7. *Евгеньева А. П.* Язык русской устной поэзии (синонимия) / А. П. Евгеньева // Труды Отдела древнерусской литературы. — Москва ; Ленинград, 1949. — Том 7. — С. 169—212.
8. *Емельянов К. С.* Социальные аспекты современных канонизаций русской православной церкви / К. С. Емельянов // Социологический журнал. — 2005. — № 1. — С. 21—36.
9. *Ицкович Т. В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: диссертация ... доктора филологических наук / Т. В. Ицкович. — Екатеринбург, 2016. — 387 с.
10. *Камалова А. А.* Структура и смысл хайрегизмов в акафисте святителю Николаю / А. А. Камалова // Российский гуманитарный журнал. — 2013. — № 2. — С. 142—148.
11. *Кустова Г. И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г. И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С. 1—25.
12. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1979. — 360 с.
13. *Лосский Н. О.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / Н. О. Лосский. — Сергиев Пасад : Издательство Свято-Троицкий Сергиевой Лавры, 2012. — 586 с. — ISBN 978-5-903102-36-5.
14. *Людоговский Феодор*, священник, Плякин Максим, диакон. Жанр Акафиста в XXI веке // Православные русские акафисты. — Москва : Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2013. — С. 586—636. — ISBN 978-5-88017-345-7.
15. *Людоговский Феодор*, священник. Тема света в церковнославянских акафистах [Электронный ресурс] / священник Людоговский Феодор // Богослов.ru. — Режим доступа: <https://bogoslov.ru/article/486196> (дата обращения: 12.04.2022).
16. *Людоговский Ф. Б.* Структура и поэтика церковнославянских акафистов / Ф. Б. Людоговский. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. — 352 с. — ISBN 978-5-7576-0322-3.
17. *Ляшевская О. Н.* Инкорпорация и экскорпорация в глагольном управлении: имена частей тела / О. Н. Ляшевская // Инструментарий русистики: корпусные подходы. — Хельсинки : Университет Хельсинки, 2008. — Выпуск 34. — С. 198—216.
18. *Ляшевская О. Н.* Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка / О. Н. Ляшевская. — Москва : Издательский Дом ЯСК: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. — 360 с. — ISBN 978-5-9907947-8-8.
19. *НБТ* — *Новые богослужебные тексты* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nbt.rop.ru/?q=texts/akafist> (дата обращения: 12.04.2022).
20. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 608 с. — ISBN 5-94457-161-6.
21. *Падучева Е. В.* Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации / Е. В. Падучева // Научно-техническая информация. Серия. 2: Информационные системы и процессы. — 1997. — № 1. — С. 2—32.

22. *Пешковский А. М.* Лингвистика. Поэтика. Стилистика / А. М. Пешковский. — Москва : Флинта, 2018. — 710 с. — ISBN 978-5-9765-2973-1.

23. *Попов А. В.* Православные русские акафисты / А. В. Попов. — Москва : Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2013. — 645 с. — ISBN 978-5-88017-345-7.

24. *Рядовых Н. А.* Жанр акафиста: категориально-текстовая специфика : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. А. Рядовых. — Екатеринбург, 2016. — 285 с.

25. *Чуркин А. А.* Русский акафист середины XIX — начала XX века как жанр массовой литературы / А. А. Чуркин // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. — Санкт-Петербург, 2007. — Выпуск 21: Кафедра Истории русской литературы. — С. 23—33.

26. *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис : текст лекций / Т. В. Шмелева. — Красноярск : Красноярский государственный университет, 1994. — 47 с. — ISBN 5-230-08017-5.

Material resources

ARS I — *Akathists to Russian saints, 1: A—G.* (1995). St. Petersburg: Title. 624 p. ISBN 5-86396-004-3. (In Russ.).

ARS II — *Akathists to Russian saints, 2: D—M.* (1995). St. Petersburg: Title. 672 p. ISBN 5-86396-004-3. (In Russ.).

ARS III — *Akathists to Russian saints, 3: N—F.* (1996). St. Petersburg: Title, 1996. — 768 p. ISBN 5-86396-004-3. (In Russ.).

References

Apresyan, V. Yu. (2017). Double semantic roles in the initial and figurative meanings of poly-semantic verbs. *Questions of Linguistics*, 2: 7—32. (In Russ.).

Apresyan, Yu. D. (2006). Correspondence types of semantic and syntactic actants. In: *Problems of typology and general linguistics: Proceedings of the International Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Professor A. A. Kholodovich*. St. Petersburg: Nestor-History. 15—27. (In Russ.).

BTSRYA — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *Big explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Churkin, A. A. (2007). Russian akathist of the middle of the XIX — early XX century as a genre of popular literature. In: *Proceedings of the XXXVI International Philological Conference, 21: Department of the History of Russian Literature*. St. Petersburg. 23—33. (In Russ.).

Davydov, I. P. (2003). *Orthodox Akathist to Russian Saints: Religious Analysis*. PhD. Diss. Moscow. 258 p. (In Russ.).

Emelyanov, K. S. (2005). Social aspects of modern canonizations of the Russian Orthodox Church. *Sociological journal*, 1: 21—36. (In Russ.).

Evgenyeva, A. P. (1949). The language of Russian oral poetry (synonymy). In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 7. Moscow; Leningrad. 169—212. (In Russ.).

Itskovich, T. V. (2016). *Genre systematization of religious style on a communicative-pragmatic and categorial-textual basis*: Doct. Diss. Yekaterinburg. 387 p. (In Russ.).

Kamalova, A. A. (2013). The structure and meaning of the hayretisms in the akathist to St. Nicholas. *Russian Humanitarian Journal*, 2: 142—148. (In Russ.).

- Kustova, G. I. (2000). Cognitive models in semantic derivation and the system of derived values. *Questions of linguistics*, 4: 1—25. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of ancient Russian literature*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Lossky, N. O. (2012). *Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology*. Sergiev Posad: Holy Trinity Sergius Lavra. 586 p. ISBN 978-5-903102-36-5. (In Russ.).
- Ludogovsky Theodore, priest, Plyakin Maxim, deacon. (2013). Genre Akathist in the XXI century. In: *Orthodox Russian akathists*. Moscow: Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church. 586—636. ISBN 978-5-88017-345-7. (In Russ.).
- Ludogovsky Theodore, priest. The theme of light in Church Slavonic akathists. In: *Bogoslov.ru*. Available at: <https://bogoslav.ru/article/486196> (accessed: 04.12.2022). (In Russ.).
- Ludogovsky, F. B. (2015). *Structure and poetics of Church Slavonic akathists*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 352 p. ISBN 978-5-7576-0322-3. (In Russ.).
- Lyashevskaya, O. N. (2008). Incorporation and excorporation in verbal management: names of body parts. In: *Toolkit of Russian studies: corpus approaches*, 34. Helsinki: University of Helsinki. 198—216. (In Russ.).
- Lyashevskaya, O. N. (2016). *Corpus instruments in grammatical studies of the Russian language*. Moscow: YaSK Publishing House: Manuscripts of Ancient Russia. 360 p. ISBN 978-5-9907947-8-8. (In Russ.).
- NBT — *New liturgical texts*. Available at: <https://nbt.rop.ru/?q=texts/akafist> (accessed: 04.12.2022). (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1997). Semantic roles and the problem of preserving the invariant in lexical derivation. *Scientific and technical information. Series. 2: Information systems and processes*, 1: 2—32. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2004). *Dynamic models in the semantics of vocabulary*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 608 p. ISBN 5-94457-161-6. (In Russ.).
- Peshkovsky, A. M. (2018). *Linguistics. Poetics. Stylistics*. Moscow: Flinta. 710 p. ISBN 978-5-9765-2973-1. (In Russ.).
- Popov, A. V. (2013). *Orthodox Russian akathists*. Moscow: Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church. 645 p. ISBN 978-5-88017-345-7. (In Russ.).
- Ryadovykh, N. A. (2016). *Akathist genre: categorical and textual specifics*: PhD.Diss. Yekaterinburg. 285 p. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1994). *Semantic syntax: lecture text*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. 47 p. ISBN 5-230-08017-5. (In Russ.).
- Vasily (Krivoshein), archbishop. (1980). *Venerable Simeon the New Theologian (949—1022)*. Paris: Ymca Press. 354 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1972). *Russian language: grammatical doctrine of the word*. Moscow: Higher School. 616 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.04.2022,
одобрена после рецензирования 12.06.2022,
подготовлена к публикации 21.07.2022.